

В исторической науке закрепилось еще со времен Петра I представление о том, что деяния святого благоверного князя Александра Невского были связаны с Невой, Чудским озером, псковско-новгородскими коллизиями и смутами. Митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан делится своими оригинальными размышлениями о том, как имя князя Александра Ярославича связано с историей Крайнего Севера. Как благодаря его дипломатическим и военным усилиям эти северные земли стали данниками Новгородской Руси, а спустя столетия, уже при московских князьях, часть Лапландии отошла к Российской державе, став впоследствии русским Кольским Севером, а ныне Мурманской областью.

**Митрополит Мурманский
и Мончегорский Митрофан**

Александр Невский и Кольский Север

Новгородская республика и Крайний Север

Северное положение Новгорода изначально определяло его притязания на земли Крайнего Севера. Часть земель Лапландии принадлежала Новгороду еще прежде князя Ярослава, пишет российский ученый XIX века Петр Кеппен. По его словам, руническая харатейная грамота, опубликованная в 1677 году в норвежском городке Шеене (Skien), «содержит в себе распределение

границ между Россией и Норвегией во время Свенона I, Датского Короля, жившего в конце X века»¹. Согласно этому договору, заключенному еще в те давние времена, «Государь Российский может брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии»².

Такие тексты рунических грамот с первыми договорами о владениях «короля Норвегии и государя Руссов» (Kunuggr af Norrik et Ruska

Kununkr) существовали и много ранее, например в IX веке.

Таким образом, порядок разделения земельных земель Европейского Крайнего Севера между русскими князьями и норвежскими конунгами сложился еще со времен древнейших рунных грамот³.

Несомненно и другое: именно нашествие татар радикально изменило расстановку политических акцентов и территориальных приоритетов Руси в отношении Крайнего Севера. Крупные города Юга Руси были превращены в руины. Погибло около половины населения страны. Развитая городская культура Древней Руси была уничтожена. Русский Север обрел новый исторический статус.

Попытки покорить Финляндию (в то время Финляндия это земли лопарские — Финмарк) предпринимал еще отец Александра Ярослав

Всеволодович. Однако же главные завоевания северных земель осуществил его сын Александр.

Особое расположение ордынского хана

Для таких решительных действий по пересмотру устоявшихся отношений и границ надо было иметь достаточно веские основания, учитывая, что святой благоверный князь Александр Невский в отношении Норвегии проводил политику всемерного укрепления и развития давних дружеских и родственных связей. Стремясь к стабильному и прочному миру в Лапландии, Александр Ярославич предлагал династический союз королю Норвегии Хокону IV через брак своего сына князя Василия с принцессой Кристиной. Однако король Хокон, видимо, первоначально считал этот брак малополезным для укрепления положения Норвегии. Русь числилась в данниках

*Александр Невский
и хан Сартак.
Павел Рыженко.
2010 г.*

Золотой Орды, и, возможно, этот брак представлялся королю не вполне достойным.

При этом не стоит забывать, что, понуждаемый Папой, Запад пытался использовать это сложное положение Руси, чтобы склонить непокорных «схизматиков» к принятию католицизма в обмен на обещание военной помощи против татар.

Однако в 1251 году Александр Ярославич окончательно отказывается от предложений Папы Иннокентия IV. Более того, он заключает крайне важный договор между Новгородом и Норвегией, узаконивший русский сбор дани с саамов по всему Кольскому полуострову и во всем Финнмарке вплоть до норвежского Гололандла (нынешний округ Тромсе)⁴.

Великий князь новгородский Александр Ярославич, добившись особого расположения ордынского хана, сумел в полной мере реализовать возможности своей практически абсолютной власти, в которой он опирался на Орду. Он понял, что покорность этой пока что неодолимой силе может принести Руси такие выгоды, о каких ни один из правителей прежде и не мечтал. При этом благоверный князь всегда оставался христианином и патриотом⁵.

Союз с Золотой Ордой завещал Александру крепить его отец, князь Ярослав, как условие предотвращения нового разгрома Руси. Сам же

великий князь Ярослав Всеволодович добился особого к себе расположения со стороны Золотой Орды. Об особом почете, выказываемом князю, что было вовсе не характерно для татарских нравов, царивших при дворе великого хана Гуюка, пишет очевидец, посланник Папы Римского Иннокентия IV: «... Там было несколько вождей, <...> более десяти других султанов, более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой. Нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место. Мы там пребывали в довольстве четыре недели»⁶.

После кончины князя Ярослава Александр твердо держался этой линии отца, следуя путем укрепления единовластия в стране с опорой на силу Золотой Орды. Сын хана Батыя Сартак, «заведующий» русским направлением Орды, после принятия христианства стал другом и побратимом Александра. Обещав свою поддержку, святой Александр обеспечил хану Батыю возможность выступить в поход против Монголии и стать главным повелителем всей Великой Степи. Более того, на престол Монголии был возведен вождь татар-христиан хан Мункэ. Позже, в 1261 году, при содействии великого князя Александра в Сарае была образована православная епархия.

**СЫН ХАНА БАТЫЯ
САРТАК ПОСЛЕ
ПРИНЯТИЯ
ХРИСТИАНСТВА
СТАЛ ДРУГОМ
И ПОБРАТИМОМ
АЛЕКСАНДРА**

Пушнина спасала от рабства

Кольский полуостров помимо известных лопарей-саамов населяло достаточно могущественное племя, которое в одних исторических источниках называют биармийцами, в других — приполярной чудью.

До вторжения войск князя Александра Невского эти так называемые биармийцы достаточно уверенно управляли обширными северными территориями. Их богатство во многом зиждилось на жесточайшей эксплуатации аборигенов края — терфиннов (лопарей). Во всех лопарских преданиях биармийцы неизменно выступали как самые их злейшие враги.

Следует признать, что именно сила Золотой Орды, стоящая за великим князем Александром, позволила устранить владычество биармийцев на Крайнем Севере и присоединить богатейшие земли терфиннов Кольского полуострова и норвежского Финнмаркена к Новгородской Руси. Отныне та дань, которую Русь могла беспрепятственно взимать с богатой мехами Лапландии, спасала русский народ от рабства. При всей тяжести и многообразии налогов, уплачиваемых Золотой Орде, сборщиков «салыги» — самой главной годовой дани, или подушной подати, — интересовала исключительно пушнина («мягкая рухлядь»). Монах-францисканец Плано Карпини, оказавшийся на Руси в эти годы, оставил свои воспоминания о тех порядках: «Каждый, как малый, так и большой, бедный или богатый, платил монголам дань: одну шкуру медведя, од-

ного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру дохорь (ильгиса) (черный лесной хорек. — *Авт.*) и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть обращен в их раба»⁷.

Решительные действия князя Александра спасли большое число русских людей от рабства и заложили основы для дальнейшего приращения территорий Руси землями Крайнего Севера, формирования новых границ нашей страны.

Положительная роль «ига»

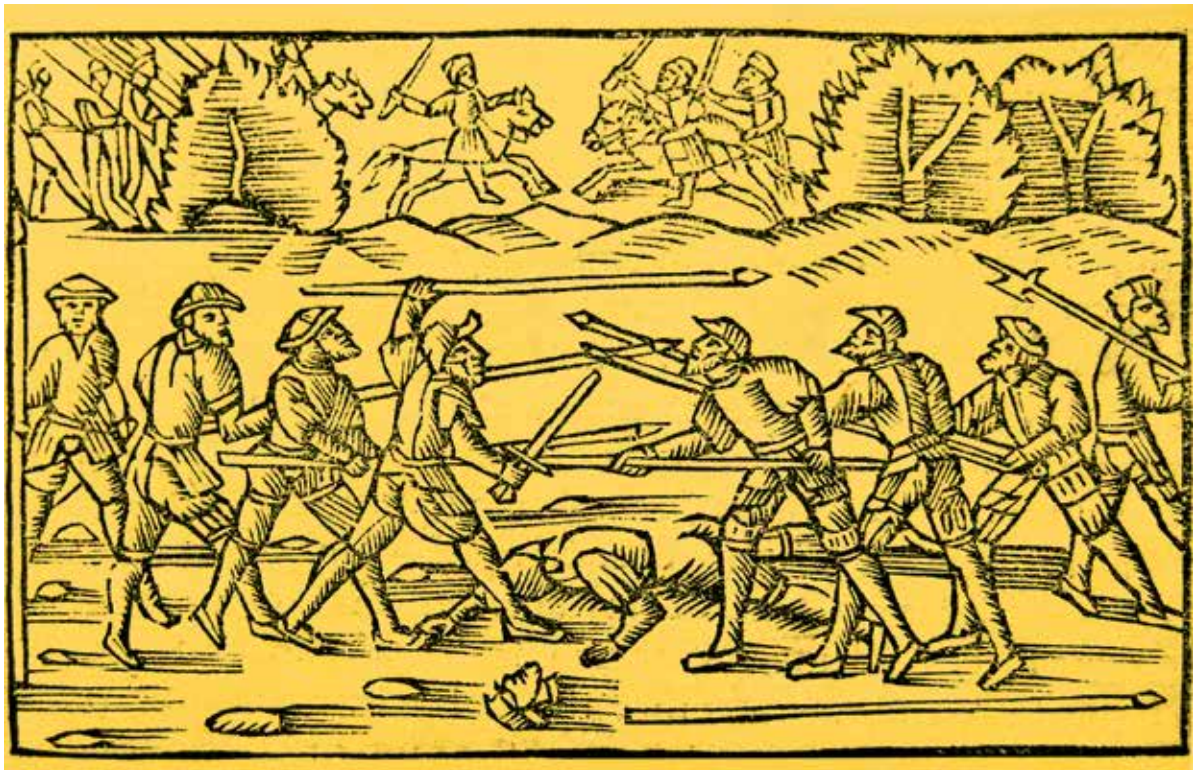
Еще до монголо-татарского вторжения на Русь на Крайнем Севере сложилась практика сбора дани с лопарей, главным звеном которой помимо биармийцев был народ корела (кирьялы). Будучи еще языческим, этот народ тем не менее стал чрезвычайно активным помощником Новгородской Руси в ее продвижении на Крайний Север.

Потребности Руси в дани, собираемой с северных народов в виде меха, «мягкой рухляди», до определенного момента вполне удовлетворялись на обширных лесных территориях Заволочья, Перми и волости Тре. Однако с 1237 года ситуация стала меняться радикальным образом. Монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, жестоко подчинила себе русские княжества и заявила о своих потребностях в северных мехах.

Таким образом, именно в середине XIII века стало очевидным, что прежняя политика

Король Норвегии Хакон IV Старый повелевает отомстить биармийцам. Рисунок из книги «История Северных народов». Olaus Magnus. Romae, 1555

Сражение на Севере. Рисунок из книги «История Северных народов». Olaus Magnus. Romae, 1555

Новгородского государства в отношении Крайнего Севера больше не отвечает ситуации, возникшей на Руси вследствие монголо-татарского нашествия 1237–1241 годов. Можно с уверенностью утверждать, что именно жесткие условия политической и даннической зависимости русских княжеств от монголо-татарских ханов Золотой Орды подвигли российские власти на решительные действия по освоению и, более того, присоединению территории Крайнего Севера к русским землям.

Договор с Норвегией и раздел земель

Будучи дипломатом и имея давние добрые связи с норвежскими конунгами, князь Александр Ярославич вовсе не желал еще одного района военного противостояния на Севере Руси. Достаточно было немецких и литовских притязаний и шведских амбиций на Балтийских берегах. Потому одновременно с покорением Биармийских земель Александр предпринимает дипломатические шаги в отношении Королевства Норвегия. «Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики (Киевская Русь. — Авт.) послы конунга Александра (Невского. — Авт.) из Хольмгарда

(Новгорода. — Авт.). Жаловались они на то, что нападают друг на друга сборщики дани на севере в Финнмаркене и что они постоянно ведут войну с грабежами и убийствами»⁸.

В результате «установили они тогда мир между собой и своими данническими землями», то есть в Новгороде был заключен русско-норвежский мирный договор, урегулировавший на короткое время положение в Финнмарке. Частью этого древнейшего договора явилась так называемая «Разграничительная грамота». Интересно, что ситуация, описываемая в той «Разграничительной грамоте», точно скопирована 70 лет спустя в договоре между Россией и Швецией, заключенном в Ореховце в 1323 году. Это позволяет утверждать: «Данный документ <...> является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 году»⁹.

События, произошедшие на Крайнем Севере, привели к принятию важнейших договоренностей между Россией и Норвегией, зафиксированных в «Разграничительной грамоте» и договоре. В частности, в последнем оговаривалось, что старые границы «должны быть восстановлены». Договор, однако, оставлял норвежскому королю право устанавливать рубежи по его совести, пока не приедут русские послы, после чего они вме-

сте зафиксировать границы: «Также, когда послы из Новгорода придут к королю Норвегии, они должны разделить земли соответственно старым границам и размежеваниям земель, по крестному целованию, так, чтобы каждый владел своей землей. Но это размежевание земли передаем Богу и королю Норвегии, чтобы он его провел по своей совести»¹⁰.

При всех этих учтивых формулировках, после того как Александр Невский объявил земли Финнмаркена Новгородской волостью Колопермь, эта территория стала местом русского доминирования. Подвластные Новгороду корелы вели непрерывную деятельность, вытесняя норвежских сборщиков дани из Финнмаркена, который отныне назывался Колопермь.

Система сбора дани князя Александра

Испокон веков пушнину на Кольском Севере добывали лопари. Упомянутое нами выше древнее племя так называемых биармийцев (или приполярной чуди) также было данниками Руси. Однако они имели право «празги», то есть общего сбора дани с Кольского края с выгодой для себя. Посчитав, что Русь теперь сама поработана Ордой, биармийцы перестали присылать дань с Кольского Севера в Новгород. Узнав об этом, Александр Невский, договорившись с ханом Батыем, предпринял Полярный поход, дабы наказать предателей.

«Александр Невский, — пишет шведский историк О. Далин, — покорил себе Пермию или Биармаландию, отщепившуюся на несколько времени от Голмгордскаго государства (отпавшую от Новгородской Руси. — *Авт.*), и беспокоил даже Норвежские границы около Галогаланда, проходя к оным чрез Финмаркен и Лапландию»¹¹.

То есть дружина великого князя провела масштабную военную операцию на Крайнем Севере Европы. Пройдя и покорив Лапландию (Кольский полуостров), Финнмаркен (земли на запад от Кольского полуострова), Александр Невский вошел в область Северной Норвегии у Галогаланда. Началось массовое бегство биармийцев с этих территорий.

Эту историю Полярного похода и его радикальных результатов подтверждают и иные зарубеж-

ные источники. «В то время, — рассказывает одна норвежская сага, — жители Биармии обратились с просьбой о защите к королю Хокону. Он позволил им поселиться у Малангена (в районе нынешнего г. Тромсе. — *Авт.*) с условием, чтобы они приняли христианство, что они и сделали»¹².

Или: «К нему пришли многие из биармонцев, которые бежали с востока, прогнанные набегами татар (в те времена в Европе русских не разделяли с татарами. — *Авт.*); король повелел обратить их в христианство и уступил им для жительства Малангерский залив (Маланген (Malangen) — ныне крупный рыболовный центр на Севере Норвегии. — *Авт.*)»¹³.

Освободив земли Кольского Севера от всевластия биармийцев, паразитировавших на саама-лопарях, Александр Невский установил новую систему сбора дани на этих территориях. Задача успешности сбора дани со столь огромных территорий диктовала и выбор мест пунктов, куда свозилось и где временно хранилось такое ко-

Решительные действия князя Александра спасли большое число русских людей от рабства и заложили основы для дальнейшего приращения территорий Руси землями Крайнего Севера.

личество пушнины. Вопрос организации сбора дани для князей того времени, да и для любой формы государственной власти всегда был наиболее важным. Успешность его решения напрямую определяла военную мощь и иные возможности государства.

Так, например, в 947 году княгиня Ольга, входя во власть, после известной расправы над древлянами в первую очередь побывала на Севере Руси, в новгородских и псковских землях, где назначила там «уроки» (оброк, подать), установив систему «погостов». Мы не знаем, до каких пределов простиралась тогда на север новгородские погосты. Но эти административные единицы стали центрами торговли и обмена, в которых упорядоченно происходил сбор податей. Впоследствии именно по этим погостам в первую очередь стали строить храмы.

Северное наследие князя Александра

В дальнейшем, также в русле «северной политики» святого Александра Невского и договора 1251 года, в 1326 году был подписан необычайно важный для истории Крайнего Севера договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии. Согласно «древним означениям и рубежам» северная граница между странами была определена в районе реки Паз. При этом так называемый общий Северный дистрикт, территория сбора дани с саамов, по-прежнему простирался от Белого моря до города Тромсе, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финнмарк¹⁴.

Центрами сбора дани с населения Великой Лапландии для ее дальнейшей отправки на Большую землю со времен Александра Невского были определены поселения Варзуга и район нынешней Кандалакши (устье речки Кандалакши, залив Канда). Первая отвечала за дань с корелы и лопарей Кольского полуострова, вторая — с земель на запад от Кольского залива и в Финнмаркене. Изначально формировать и сопровождать обозы с собранной данью, обеспечивая их безопасность, входило в обязанность «детей корельских», за что им назначалась «празга», то есть процент от собранной дани. «В Лапландии не было бояр, а страной управляли сборщики податей»¹⁵.

С падением новгородской самостоятельности, как мы показали ранее, великие князья Московские оставили древнюю схему сбора дани без изменений¹⁶. Особая статья дохода — право владения торговыми точками, исторически сложившимися на границах лопарских территорий, — долгое время составляла одну из важнейших привилегий корелов. Постепенно, с заселением земель Терского берега новгородцами, появлением монастырей, эти торговые места («торговые козицы») переходили в ведение новых владельцев.

В XIV веке русское поморское население продвигается еще дальше на восток Терского берега, осваивая новые тоневые участки¹⁷, и вскоре восточной границей саамского этноса на Беломорском побережье становится новый «лопский рубеж», проходящий по реке Пялице.

Статус общей территории сбора дани в Финнмарке сохранялся в течение 350 лет. В 1602 го-

ду, вследствие ослабления Русского государства в Смутное время, возник прецедент — датский король приказал не пропускать русских данщиков в «Норвежский конец» за Печенгу и Паз-реку. Ответными мерами на столь недружественный выпад стал запрет кольского воеводы Федора Хлопова на пропуск датских (норвежских) фогтов за данью на Мурман, куда они ходили до «Умбской межи». Однако датский король Кристиан IV своего указа не отменил, и началась активная дипломатическая война.

Уже с конца XVI века Дания затевает переговоры с целью принудить Россию к окончательному разделу упомянутой общей территории, дабы провести государственную границу в районе города Колы. «Московские цари отняли у Дании Лапландию — так оценивает ситуацию король Кристиан IV в своей грамоте царю Михаилу Федоровичу и напоминает: в Смутное время Дания могла отобрать Лапландию у России силою»¹⁸. Однако препятствием оставались наши церкви, стоящие в районе Варангер-фьорда, и Печенгский монастырь, основанные еще в начале XVI века. «Царь дивится тому, что король требует разграничения, — пишет в ответной грамоте Михаил Феодорович, — замок Варгав стоит на Русской земле, свидетельством тому служит церковь Бориса и Глеба, построенная в той местности».

Однако датчане продолжают всемерно укреплять свою крепость Вардегуз на полуострове Варангер. В последующие годы претензии Дании не ослабевают и, как ни странно, становятся даже масштабнее: «необходимо потребовать удаления русских из Колы, Варзуги, Кандалакши и других мест в Лапландии, впрочем, за возведенные в Лапландии постройки король готов заплатить известную сумму»¹⁹.

В таких взаимных удивлениях и претензиях проходили годы дипломатической переписки.

Временами русские цари теряли терпение, забывая про европейский дипломатический политес. Так, в 1603 году царь Борис Федорович, выведенный из себя этой дипломатической казуистикой, отрезал: «Лопарская земля — исконно вечная вотчина Государей русских. Граница между Россией и Норвегией — река Ивгей. Замок Варгав (нынешний норвежский город Вардё. — *Ред.*) должен быть срыт, так как поставлен

на Царской земле. За Варгавом Царской вотчины больше 1 000 верст (точнее, 500. — *Ред.*)!»²⁰.

Со временем эта ситуация породила интересную традицию — обязательную, раз в год, поездку норвежского чиновника («шульца») к кольскому воеводе с целью заявить ему протест по поводу того, что он не пускает датских сборщиков дани в общий дистрикт взимать десятину с «подданных его королевского величества». Эти поездки в Колу, совершавшиеся в декабре начиная с 1614 до 1814 года, вошли в некий обычай со своими интересными церемониями и ритуалами, «получив название: “Proetentionen til Malmis” — претензия на Колу»²¹.

В 1826 году была окончательно проведена демаркация российско-норвежской государственной границы — рубеж прошел по реке Паз. Вплоть до этого времени общий дистрикт, хотя и уже в весьма урезанном виде, по-прежнему продолжал существовать. С начала XVII века небольшая общая территория России и Норвегии как некий исторический рудимент сохранялась, ограничиваясь с запада заливом Варангер-фьорд, а с востока — Сонгельским лопарским погостом.

Не пропало втуне

Как показала история Кольского Севера, Россия в XIII–XIV веках еще не могла удержать за собой всю обширную область Кольского Севера

— Колоперми. Слишком раздробленной была Русь, не было единого властного центра, центростремительной силы, способной собрать воедино Российскую державу. Князь Александр Невский, опираясь на силу стоящей за ним Орды, сделал решительный шаг в этом направлении. Земли волости Тре были освобождены от биармийцев, Лопарские погосты Кольского полуострова стали данниками Новгородской Руси. Область Nordfield (Финнмаркен) была переименована в новгородскую волость Колопермь, и союзная Новгороду корела активно доказывала приоритет российской власти на этих северных берегах. Но, увы, жизнь князя оказалась весьма недолгой — всего 42 года отвел Господь пожить ему на этой земле. Да и само Ордынское царство, раздираемое распрями и противоречиями, не могло служить надежным основанием и гарантом для столь великого дела — централизации государственной власти в стране, столь необходимой для дальнейшего прирастания Руси новыми землями.

Лишь в XVI веке, при великих князьях и царях Московских, ценой огромных усилий и трудов земли Великой Лапландии отошли к Российской державе. Но деяние благоверного князя Александра Невского не пропало втуне — князья и цари Московские навечно закрепили за Россией древние «новгородские волости Колопермь и Тре», ставшие впоследствии русским Кольским Севером²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о Свене I Вилобордом (960-е — 1014) — короле Дании, Норвегии и Англии.

² Келпен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.

³ «Уже с X и XI веков начали истреблять руны в публичных и королевских письменных делах и заменять их латынью, с изданием королевских повелений о сожжении книг, писанных рунами, поскольку простой народ употреблял их для чародейства» (*Olof v. D. Svea Rikes Historia Ifran Des Begynnelse Til Wara Tider: Del-1. Stockholm, 1750. S. 225–226*).

⁴ Этот особый порядок взимания дани с восточных лопарей (сколт-саамов) предполагал не поземельный, а подушный их учет ввиду постоянных кочевок кольских аборигенов.

⁵ В 1250 г. князю пришлось ехать в Монголию к великому хану. Зная языческие обряды Орды, князь молился перед отъездом, обещая: «Аще и кровь свою пролию Христа ради от безбожного царя, якоже и сродники мои, кусту же и огню и идолам не поклонюся». И свое слово князь сдержал.

⁶ Плано Карпини И. История монголов. СПб., 1911. С. 75.

⁷ Плано Карпини И. Указ. соч. С. 33–34.

⁸ Тордарсон С. Сага о Хаконе, сыне Хакона. 1265

(*Flateyjarbok/S. Nordal et al. Akranes, 1944–1945. B. III. Bl. 537*).

⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 82.

¹⁰ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 45.

¹¹ Далина О. История Шведского государства: в 8 т. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 263.

¹² Naakon Naakonssons Saga (последняя глава). Цит. по:

Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 25.

¹³ *Rafn C. C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1852. R. II. P. 84.*

¹⁴ Об этих рубежах см.: *Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507.*

¹⁵ Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение

Симона ван Салингена // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1.

Кн. 3. С. 305.

¹⁶ См.: *Kirkinen H. Karjala Taistelulentänä. Karjala idän ja lännen välissä. II. Helsinki, 1976. P. 70.*

¹⁷ Тоневой участок, тоня — место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

¹⁸ Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг. М., 1893. С. 186. № 702.

¹⁹ Там же. № 662.

²⁰ Там же. № 533.

²¹ Кааран А. Указ. соч. № 11. С. 27. Весь порядок и подробности

этого занимательного действия см.: Brock-Utne, Martha. Solberg i

Finnmark omkring 1700: Aktstykker og oversikter, Hft. I: to jordeboeker

fra 1694 // *Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk Museum*

Universitet i Oslo. Oslo, 1932. Vol. I.

²² Более подробно см.: Митрофан (Баданин), игум. Князь Александр

Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. СПб.:

Ладан; Мурманск: [б. и.], 2013. (Кольский патерик: Книга IV).